

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ
представляет писателя

Ольга МЕХТИ

МОНАРХ И УЗНИК

Ольга Мехти
Монарх и Узник

Серия «Виктор Ерофеев представляет писателя»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6905111

Монарх и Узник крепости Акко: Эссе: Продюсерский центр Александра Гриценко; Москва; 2014

ISBN 978-5-905939-92-1

Аннотация

Автор рассказывает о драматических событиях присоединения туркменской земли к Российской империи, анализирует их развитие вплоть до современности на примере своей семьи и судеб друзей и знакомых, органично вплетая в структуру живописного повествования важные моменты истории мировых религий.

Содержание

Часть первая	5
Монарх	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ольга Мехти Монарх и Узник Эссе

Часть первая Черная роза – эмблема печали

Монарх

Механизм этого прожекта закрутил Петр Первый, когда вернулся из-за границы. Вернулся совсем другим, весьма охочим до перемен, и не только на российской земле. Прорубая окно в просвещенную Европу, стал подумывать еще и об окне на Индийский субконтинент. Да нет, о большой двери. Морем до Индии трудно добраться. А вот путь через Азию к Индии для новой России был бы удобен. Царь Петр понимал, что без Хивы, перевалочной станции на индийском маршруте, не обойтись. А тут случай хороший представился. Из степей Мангышлака до Невы добрался Ходжанепес – турк мен из тех, которые уже давно жили вдали от исконных земель и привыкли пользоваться русским покровительством. Ходок открыл царю секрет, что злые хивинцы имеют богатые запасы песочного золота, а от русских скрывают, изменили даже русло Амударьи. Царь тут же вспомнил: лет тринадцать назад хивинский посол передавал просьбу хана принять в русское подданство. И придумал царь снарядить посольство к хивинскому хану. Начальником выбрал близкого человека из Кабарды, капитана лейб-гвардии Преображенского полка князя Александра Бековича-Черкасского. По высочайшему повелению на седьмой неделе после Пасхи этот потомок ордынцев поднял собранный под Гурьевом отряд в три тысячи всадников, скорее похожий на большой караван, и под прикрытием солдат пополз по ковыльной степи медленно и с опаской. Но хивинского хана успели настроить против русского посла с армией. Как рассказывал выживший участник похода, знатные хивинские люди целовали Коран, что с русскими ничего не случится, но князя и его людей обезоружили и связали. Головы российских посланцев, как и положено, выставили у ворот Хивы. Известно, что перед началом движения в Хиву посланец Петра высадил некоторую часть казаков на Каспийском полуострове.

От первопроходцев, сподвижников Петра Первого, в России осталась поговорка «Погиб, как Бекович», а у прикаспийских рыбаков до сих пор «бекович» – синоним слова «маяк». Сохранился постамент «Роза ветров» на расплескавшемся поселке Гызылсу, братская могила, захоронение косточек, оставшихся от большого отряда русских аргонавтов, ушедших, как и те древние греки, в дальние страны за золотым руном. И вы б опечалились, навестив заброшенный памятник отважным казакам под лихими морскими ветрами. Нет уже шаров-глобусов с орлами на углах решеток, а одна из них заплатана ржавой кроватной спинкой. У знаменитой «Розы ветров» из четырех букв, очень точно означающих стороны света, осталось только три, отпадет скоро и следующая, да, если я не ошибаюсь, якорь или якоря здесь раньше были другие, литые. Надписи еле читаются: «Въ пустыне дикой Васъ, братья, мы нашли, и теплою молитвою Вашъ прахъ почли...», «Красноводский отрядъ сподвижника Петра I». Цифр на датах осталось мало: «1719 г.», «1872 г.», «...20... (замазано)», «19... (замазано)». Возможно, России не нужен памятник, она действительно хочет забыть его, отдать на волю стихиям? Но я опять спорила, и опять сама с собой: ведь это важная зарубина в турк менской истории, а значит, в истории Евразии. Без памятника сотрется и память.

Очередная попытка силой оружия проложить путь в Индию случилась в самом начале XIX века. По предложению Павла I удар по английским интересам в Индии планировалось нанести силами совместного французско-русского войска, которое должно было переправиться в Астрабад на южном берегу Каспия и оттуда через Персию двинуться на покорение Индии. Военный проект отдал концы после убийства императора. Наполеон был уверен, что

за этим убийством стояли англичане. Могло быть и такое. Продолжалась захватывающая «холодная» война двух империй. Британия боялась российского вторжения в Индию – главный оплот ее богатства, понимала, что если русские одержат верх, то они завоюют и мировое господство, как завещал неистовый царь Петр. В Петербурге действительно военная тема всплывала постоянно, и потому, когда Британия, установив фактический контроль над Афганистаном, уже с аппетитом смотрела на соседние земли Закаспия, Россия заторопилась в Азию.

Советские историки, камуфлировали такую поспешность вторжения русских на азиатские земли «добровольностью» вхождения туркменских племен в состав Российской державы. Они напридумывали с три короба о благородных интересах империи, наводя глянец на прошлые грехи. Русский царь, дескать, хотел искренне помочь некоторым экономически слабым туркменским племенам. Просили лишь самые беспомощные. Про них рассказал очевидец Э. О’Донован. Правдой это было или только легендой британского шпиона, кто теперь скажет, но, может, это был действительно наш брат, вездесущий журналист, который рассказывал о себе так: направлялся в Тибет, но по дороге узнал о предстоящей экспедиции русских войск в страну туркмен, неизвестную европейцам, и увлекся. В путевых заметках он раскрыл панораму жизни туркмен конца XIX столетия. Журналист зафиксировал, как российский генерал И. П. Лазарев сходил на берег. «Генерал был встречен несколькими десятками старейшин йомудов. Выстроившись на оконечности пирса, они предложили ему лепешку хлеба, тарелку соли и большую свежую рыбу. Тем временем пушки в маленьком рудете, примыкающем к лагерю, палили салют... Генерал произнес короткую и выразительную речь, сказав, что прибыл как друг, и тут же выразил надежду, что каспийцы не будут возражать против марша через их земли, и более или менее смутно намекнул, что настоящая цель экспедиции касается пункта, лежащего далеко за пределами их границ». Это из его книги «Путешествия и приключения к востоку от Каспия в 1879-80-81 годах, включая пятимесячное пребывание среди текинцев Мерва». (В двух томах. Лондон 1882. Перевод с английского Б. Каменковича.) Воспроизводили сцену на берегу Каспия не раз многие туркменские живописцы ради похвалы из Москвы, да что кривить душой: вся наша многонациональная республика жила в ожидании очередной похвалы, а если получали оплеухи, на которые были щедры секретари ЦК КП СССР, то тогда местные секретари срочно ехали или летели к ним с чемоданчиком денег и пахучими дынями «вахарман».

В конце 60-х позапрошлого века империя опять сосредоточила огромные войска на берегу Каспия. Все так же сильно была натянута пружина давнего петровского прожекта. У русских на этот раз все пошло как по маслу. Построили УФРА – укрепленный форт русской армии. Потом на берегу тихой бухты соорудили толстостенную «бастилию» с вмурованными в первый этаж амбразурами для пушек. Это первое российское укрепление на Каспии потом за ненадобностью превратили в аптеку, а сейчас там исторический музей, но без малейшего запаха реальной истории русской эпохи, хотя ее памятники прямо за окнами. Приказные избы солдаты сооружали из бревен, сплавленных по Волге из центра России. Не сразу, постепенно жители прикаспийской земли, которые были не в состоянии сами защитить за себя от натиска соседей-персов (йомуды, гоклены), встали под российскую крышу. Был образован Закаспийский военный отдел. В отличие от Америки, захватчики не загнали туземцев в резервацию. Однако «белые» стали хозяевами их земли. Любая монархическая держава стремится захватывать, как спрут, все больше и больше чужих земель, поработавшая местное население. Даже если там соленая вода, непригодная для питья, цинга, мириады мух днем, комары и москиты ночью, страшная жара, ветра, продувающие раскаленную долину. Иностраный журналист как раз был там и все наблюдал: «Раз я слышал, как пехотный офицер кричал одному из своих товарищей-новобранцев: «Лучше бы меня десять раз сослали в Сибирь, чем служить здесь». Действительно, если бы не имелись в виду какие-то иные цели,

трудно представить себе, зачем тратить так расточительно жизнь и золото для обеспечения владения столь отвратительным диким местом».

Хива вслед за Кокандом и Бухарой покорилась России. Хивинский хан признал себя «покорным слугой» русского царя, освободил невольников и уступил земли на правом берегу Амударьи – Россия отомстила за князя. «Все?!» Но этого мало, надо было по Петрову плану идти вперед. Мешали туркмены из племени теке, те, которые не привыкли просить о помощи. Отчаянные рубаки, конечно же, могли своей независимостью пошатнуть имперскую власть, только недавно установленную в азиатском регионе. Именно в этом одна из истинных причин военного усердия русских по избавлению от «несносных» текинцев. Военные провели разведку местности, дошли до Бами, а это в самой глубине ахалских степей, поняли, что русским с оружием там совсем не рады, и опять вернулись к морю в Чекишляр и Чат, базу операций экспедиционного корпуса, призванного под ружье против ахалцев.

Советские защитники колонизации наворотили в своих опусах совсем неудобоваримое для здоровых мозгов. Вот, например, писали, что у русских тогда было исключительно только одно желание – умиротворить наш край. Даже такое: империя отозвалась на зов персов, которые, бедные, не могли сами справиться с текинцами-аламанщиками. Да, в те времена и хивинцы, и бухарцы, и сами персы жили разбоем и продажей людей в рабство. Персы, конечно, хотели бы разорить текинцев, войной на них ходили, но еле ноги унесли. Известно, свою независимость туркмены сами отстаивали. В 1855 году они наголову разбили армию хивинского хана. Потом, объединившись вокруг Нурберды-хана и Махмудишана, они нанесли поражение иранцам в Гарригала, а когда Говшут-хан обратился за помощью к разным туркменским племенам, все вместе собрались около Мерва и вновь разбили иранцев. С той поры вольные дети степей уверовали, что они непобедимы.

Была еще одна интрига, которая подпитывала остроту ненависти российских армейцев. Не в пример советским идеологам, имперские офицеры знали и не скрывали, что туркмены и турки едины в этногенезе, и даже сравнивали: «У нынешних турок есть за Кас пием бедные родичи, которых называют туркменами. Между турками и туркменами большая разница: турки народ мирный, добрый; туркмены народ воинственный, склонный к грабежам и разбоям; турки давно живут как народ оседлый; между туркменами еще много живут кочевниками, которые со своими стадами переходят с места на место, укрываясь от дождя в кибитках». Так было писано в сборнике «Завоевание Туркестана», изданном в 1902 году участником войны К. К. Абаза. Мысли вслух. Может быть, стремление непременно завоевать текинцев – это еще и продолжение политики самодержавия против Османской империи.

Были и сопутствующие причины появления русских в тех краях. Как писали 1870 году «Туркестанские ведомости», а это голос Российской империи в Ташкенте: «... Русская торговля, имея в своем исключительном распоряжении единственно удобный и дешевый путь в Среднюю Азию через Красноводск, находится в более благоприятном расположении...» В тон и сообщение очевидца О'Донована. Сообразительный иностранец сразу понял: «Кроме открытия коммерческого маршрута в Хиву и другие области Центральной Азии, экспедиция имела другую важную цель, а именно – способствовать внедрению российских бумажных денег как международной валюты... Предполагалось, в результате успешного исхода экспедиции, силой ввести здесь бумажный русский рубль». У империи все получилось. В Красноводске закрепились сначала русские, а на запах их денег быстро появились персы, армяне, татары. Они строили не только добротные дома, но и пристани, с которых товар по подземным путям доставлялся прямо в огромные лабазы, ледники для скоропортящегося товара. Рынок быстро набирал обороты. Вывозились в огромных количествах соль, лисий мех, знаменитые ахалтекинцы, визига, рыба, икра. 1873 году империя поделила с Британией сферы влияния, и по заключенному соглашению исконная территория расселения и кочевков туркмен вошла в состав сферы интересов и влияния России. Империя начала меже-

ваться с Персией. Земли Туркменсахры (туркменской степи) – вольницы с городами Гурген, Бендер-Туркмен, Гумбет – отошли Ирану, и на бугре Актепе поставили первый пограничный столб. Даже когда почти вся планета оцетинилась частоколом меж странами, многие народы Азии избегали жестко фиксированных границ, что связано с их кочевым образом жизни и неприятием всяких регламентирующих установок. У туркмен сохранилась сакральная память о далеком прошлом, когда континент был для всех единой землей. Азиаты-то жили под честное слово. Здесь моя земля и здесь... тоже моя, а во-о-н там – твоя. И все помнили, куда указывал сердар.

Генерал-майор Н. П. Ломакин торопился, опасаясь, что вместо него командовать войсками назначат другого генерала, а потому пренебрег необходимой подготовкой. Выслушав молебен и напутственные слова батюшки: «Мы идем на святое дело...» – отряды первой военной экспедиции двинулись на восток от Каспия, на берегу которого уже братья Нобель добывали нефть. Уходили в беспредельную степь, где не было плодородной земли, не было, как уже выяснилось, и золота, обещанного Ходжанепесом, а о туркменском газе тогда никто не ведал. Но все знали, что идут не напрасно. Солдаты в холщовых рубашках, в голубых походных брюках из миткаля, в кепи с накидкой на плечи. Они налегке шагали быстро – сто шагов в минуту. Сначала было хорошо идти. Верблюды еще были сильны, вьюки пригнаны ловко, не было пыльной вьюги. «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет. Раз! Два! Горе – не беда...» Ночами уставшие животные щипали скудную траву, а служивые на бивуаке, как обычно, разжигали несколько костров для приготовления неизменного чая, без которого ни один человек, будь то местный житель или пришелец русский, не выдержит путешествия в пустыне. А потом, расположившись под открытым небом, даже генерал Ломакин – на куске войлока, наслаждались вечерним бризом и тишиной, ощущая необъятность просторов новой земли, которую, они, конечно же, постараются сделать своей. Оптимизм питали результаты другой, и тоже направленной царем Петром, экспедиции. Прииртышье и Алтай стали владениями России. От колодца к колодцу, от них, как от станций, отсчитывался путь в этих краях, войска стремились к Ахалу, к раздолью племени теке. Но путь, который ныне поезд проходит за несколько часов, армия прошагала за три месяца. Началась жара, трудно доставалась вода, да и то такого качества, которую мог вынести только организм жителя пустыни, притом обозленные ахалцы постоянно партизанили.

На моем веку уже сколько раз правители заставляли своих воинов браться за оружие только потому, что другие люди хотели жить по-иному, чем они. Точно так, как было и тогда, в то далекое время. Туркмены не сразу бросились в бой. После распада Сельджукского государства – великого прошлого туркмен, каждое племя кочевников само управляло своими делами. Но спорные вопросы, особенно в трудные времена, привыкли решать на маслахате – совете старейшин. На этот раз причина была очень важная. Русские идут с запада, чтобы захватить Ахал! В Геок-Тепе собрались влиятельные текинские ханы. Отважный воин, политик с ясной головой и лихой аламанщик, то есть участник набегов с целью грабежа и захвата пленников, Дыкмасердар нервно хлестал камчой свою ногу в старом сапоге, он сильно переживал оттого, что большинство старейшин ратовали за сопротивление.

Войска с ходу попытались взять штурмом стены «Голубой крепости», возведенные под руководством Бердымурад-хана за то время, пока русские к ней пешком добивались. Его отец Нурберды-хан успел привести воинов из Мерва, где тоже жили текинцы. Пришли, объединившись, джигиты других племен. Однако вооружение защитников было несопоставимым. Против батареи конно-казачьей артиллерии, ракетной сотни, артиллерийской бригады, батареи горных орудий туркмены выставили пушку, стреляющую каменными ядрами, которую они захватили в бою с персами. Однако защитники не только не дрогнули на стенах, но и сделали вылазку, чтобы окружить штурмующих. И тогда в русских рядах началась паника. Раздались крики «назад!». Из-за паники имперские войска кинулись прямо на свои же ору-

дия. Когда же дело дошло до рукопашной, царские войска дрогнули и отступили, наутро начали отходить опять к Гизыл арвату.

А текинцы у подножия Денгильдепе похоронили своих воинов. В могилы воткнули повязанные тряпицами палки, по которым они, мусульмане, уверены, что души батыров добрались до райского пристанища. Погибли в этом бою лучшие: Кара-батыр, прославленный своей силой, и Амангельды-гонебек, который был еще и знаменитым бахши-музыкантом, Халмамед-аталык, уважаемый человек, исполнял и посольскую миссию при хивинском хане, смелый Оразмамед-хан и Бердымурад-хан – старший сын Нурберды-хана. Тогда тот вождь текинцев поклялся, что ни одного русского не оставит живым. А кто бы таким непрошеным гостям хлеб-соль подносил? Дыкма-сердар без особого избрания, как-то само собой стал во главе свободолюбивого племени. Русские генералы уверяли императора, что текинцам был внушен страх и теперь они будут вести себя тихо и быстро покорятся. Но джигиты, наоборот, почувствовали свою силу, подняли голову. Текинцы стали появляться в Хиве и Бухаре, хвастали победой и показывали трофейное оружие. Хивинскому хану поднесли несколько ружей и пистолеты: «Берите, у нас много будет». На всех базарах толковали, что если русские вторично нападут, то текинцы непременно их победят и всех освободят. Но вот в чем штука: джигиты сами не понимали, в чем сила и могущество русских. Они думали, что в царстве «Ак падишаха», то есть Белого падишаха, всегда снежная зима и потому русские пробиваются все дальше и дальше на юг к ним, где тепло.

От неудачи первой экспедиции царь и военные верхи России были в негодовании. Против текинцев направили генерал-адъютанта М. Д. Скобелева. Говорили, что героя, любимца всех славянских народов и важную фигуру на российском военном поле, отослали подальше от трона. Нестыковочка! Поручил-то решать российские проблемы в Закаспии лично сам император. Идея Петра, пожелавшего захватить субконтинент, захватила и Александра II, хотя Индия уже стала британской и англичане начали уже от Инда строить железную дорогу. Ферзя, к которому император относился настороженно, даже с подозрением, и в которого поверил только после Плевны, Шипки, Шейнова, ставил ради многих стратегических целей. Государь был озабочен последствиями ломакинского поражения, желал быстрее восстановить международный авторитет российской армии, помешать английскому вторжению на «их» территорию, при этом расширить пределы, завершить хозяйственные дела, так необходимые для восстановления сил державы. И еще понравился план стратега Скобелева, который предлагал быстро завоевать текинцев, а не идти к цели миролюбиво, медленно, целых четыре года закрепляясь на освоенной территории, как предлагали другие.

Да, освободителя славян любили за Дунаем, но в Средней Азии помнили, как Михаил Скобелев подверг Наманган жестокой бомбардировке, попросту сжег его. Затем с отрядом в 2800 человек двинулся на Андижан, обстрелял город из пушек, около 20 тысяч человек погибли под завалами зданий. Сжег, убивал не братьев-славян, а каких-то непонятных азиатов. Российская империя всегда основывалась в своих военных захватах на этнической исключительности русских. Грустно, все знаменитые сражения нашей цивилизации, по сути, есть столкновение двух противоположных мировоззрений, мировоззрений Запада и Востока. В каждую эпоху возникает подобный конфликт. Так было на азиатской земле и во второй половине XIX века. Подзабыли, что многие преимущества европейцев – это только результат временного отставания азиатских стран. Цивилизация зародилась на Востоке и оттуда распространилась на Запад, и почему не представить себе, что она может вернуться в свою колыбель...

Непременно хочу отметить, что жестокая расправа с мирным населением Азии все же возмущала некоторых сослуживцев генерала-палача.

Многие историки пишут, что Скобелев слишком крупная фигура для такого плевого дела, как придавить горстку «халатников». Не скажите так о текинцах. Им смелым и лихим наездникам не было равных соперников во всей Азии. Текинцы равноправные, равносильные, сросшиеся с крупами их быстрых, подобных ветру лошадей, обладали кентаврской силой и признавали только свои заповедные конные приемы. За их скакунов платили золотом, равным их весу, а серебром подковывали. И до сих пор меж правителей мира нет ценнее подарка, чем ахалтекинец, выращенный, конечно же, в предгорьях Копетдага. Скобелев в ультиматуме, посланном текинцам, требовал покорности, выдачи всех старинных грамот текинского племени и... племенных жеребцов.

Скобелев профессионал, но это был первый поход под непосредственным его руководством, и генерал, чтобы оправдать царское внимание к его персоне, должен был выложиться и любым способом оправдать доверие. Конечно, он не считал войну с текинским племенем легким делом. Он помнил, как перед хивинским походом напали текинцы на отряд, где он был еще капитаном, и один из них в суматохе успел накинуть на его шею аркан. Плохо ему пришлось бы, если бы казак меткой пулей не положил смельчака на месте. На ахалских текинцев, которых было чуть более 40 тысяч семейств, Скобелев наступал с опытной, хорошо обученной и вооруженной армией. Рассказали мне аксакалы из горных аулов, что генерал уверял созванных «депутатов» – их дедов в том, что русские желают только провести на туркменских землях железную дорогу к Индии и не применяют военных действий, если все туркмены согласятся перейти под юрисдикцию Российской империи. Разговоры были только разговорами, это сразу понял вдумчивый О'Донован: «Накопление огромных запасов, а также строительство железной дороги к театру военных действий, которое, насколько я знал, шло полным ходом, убеждали меня, что у Скобелева куда более серьезные намерения, нежели просто захватить Геок Тепе, а потом вернуться. Для такого плана запасов, как я знал, было уже достаточно, но русские продолжали увеличивать их изо всех сил. Строительство железной дороги, дошедшей уже до Бами, имеет огромное значение для успеха продвижения армии вглубь текинской территории, и было бы смешно думать, что оно ведется лишь в коммерческих целях. Все эти обстоятельства убедили меня, что русские намерены надолго закрепиться на ахалтекинских землях после взятия Геок-Тепе. Русские, захватив как Геок-Тепе, так и Аскабад, никогда их уже не отдадут». (Орфография переводчика.) Российские солдаты, и особенно офицеры, безусловно, хотели войны. Как иначе они могли выдвинуться в этой глуши? Только одним способом – проявить доблесть в бою, заработать «егория». Поход в Азию оказался «крестовым», раздавали много георгиевских крестов, много крестов деревянных оставили на той земле... Скобелев обменялся с начальником морской части капитаном второго ранга С. О. Макаровым георгиевскими крестами – такой был ритуал братания. С этим крестом адмирал Макаров погибнет в 1904 году на Дальнем Востоке.

Действительно, командующий войсками второй экспедиции и не думал о шансе на свободу для текинцев, с первого дня на туркменской земле начав тщательную подготовку к предстоящим военным действиям. Он поставил целью, чтобы на каждую тысячу его солдат приходилось 10–12 орудий. Ему это удалось. Даже у текинцев учился ходить по пустыне, как это умеют они, без ориентиров, мимо известных всем источников воды, чтобы напасть, откуда не ждали. Он стремился знать в деталях, как лучшим способом вести траншейные и минные работы, пробивать бреши в глинобитных стенах. Снабжение войск провиантом и обмундированием было предусмотрено по высшему разряду. Непременнo чтобы у каждого были сосуды с водой, обтянутые войлоком, и новинка – консервы. Все скапливалось на складах Бами, исходной позиции наступления.

Текинцы уже успели поднять до нужной высоты стены своей глиняной крепости, хотя та так и не стала мощным форпостом, а лишь двойными стенами, внутрь которых джигиты

накидали грунт и утоптали его своими же ногами. Русские называли такие крепости горшками. В таком «горшке» к сражению с армией Скобелева собрались текинцы с семьями, домашними животными, со всем своим скарбом, обживая землянки и наспех сделанные кибитки. К бою готовили все ту же допотопную пушку. Очень мало было огнестрельного оружия, даже считая 600 берданок, захваченных у русских в прошлом штурме, потому они взяли и дедовские кремневые хирли. Вооружались даже ножницами для стрижки овец, саблями, лопатами, граблями. Умудрились укатить у русских горное орудие, но воспользоваться они, неграмотные в новой военной технике, не смогли. Захватили наводчика, но тот отказался обагрить пальцы кровью русских воинов и умер в муках от пыток, на которые азиаты были ох как способны. Прямо сказать, текинцы сами себя поставили в ловушку, практичнее было бы укрыть женщин, детей, стариков в песках, куда даже при желании русские отряды не сунулись бы, не зная местности. Но практичность и борьба за свободу не сочетались у туркмен. По своей природе они вообще не любили продолжительно и упорно воевать. Они не имели навыков сидения и выжидания, привыкли воевать по-иному. Предпочитали набеги, неожиданные и успешные вылазки. Почему же они изменили своим привычкам? Непоколебимую уверенность в победе питал успех 1879 года. Не надеялись на помощь других племен, ведь крепость потом покинули даже мервские единоплеменники. В этом случае трудно кого-то винить, ведь старшины племен отказались воевать, утверждая, что связаны ранним договором о ненападении. Такие они, туркмены: дали слово – значит, надо его держать. Скученная и тревожная жизнь в крепости тяготила. Туркмены, однако, очень большие оптимисты, были уверены, что Аллах придет им на помощь! Запасы хлеба, муки истощились. Манны небесной не ожидалось. Но, видно, у Всемогущего были совсем другие планы...

На третий день Рождества русские увидели, что в крепости собрался большой маслахат. Дыкма-сердар теперь клялся Аллахом, что истребит всех русских.

Пришельцы больше всего боялись, что текинцы покинут каким-нибудь образом крепость, ведь тогда экспедиция потеряла бы смысл: русским пришлось бы долго гоняться по пескам за неуловимыми всадниками. 20 декабря Скобелев взял Янгикалу, а через день палаточный город вырос под стенами Геок-Тепе. Скобелев хотел больше и больше знать о положении в крепости, требовал использовать лазутчиков. Текинцы же были неподкупны, так что сведения разведывательного свойства удавалось получать только от персов и курдов, смертельно ненавидевших текинцев.

Покинуть крепость уже стало невозможно. Было понятно, что сопротивление бесполезно, но было огромное желание еще раз посрамить ненавистную Россию. Все люди рождаются свободными, но не все готовы с таким непоколебимым упорством отстаивать свою независимость. Даже если за нее придется заплатить собственной жизнью. Однако перед штурмом текинцы еще раз собрались на маслахат. Молодежь оголила сабли и кричала: «Будем драться!» – но многие аксакалы уже хотели мира, однако Дыкма-сердар с сожалением сказал, что поздно что-либо менять, и русским передали, что мириться не будут.

Скобелев рассчитывал брать противника тем, чего у того нет, – дисциплиной и скорострельным оружием, гибким боевым порядком, дружными меткими залпами. Тысячи персов и курдов собрались в Фирюзе и, как стервятники над полем битвы, ждали часа, когда можно будет поживиться. Пошел дождь, но он не разогнал войска ахалтекинского отряда, собравшиеся вместе на молитву. Текинцы падали из крепости, но на это уже не обращали внимания. Молились горячо, понимая, что настало приближение того момента, когда решится их судьба. Отступить уже было нельзя.

После двадцатидневной осады в вырытых для безопасности траншеях 12 января 1881 года русская армия пошла на штурм крепости. Интересно, специально ли приурочили, но именно в этот день была годовщина знаменитого указа Павла I выступать Донскому войску... на Индию. Командующий отдал приказ текинцев в плен не брать, а убивать «без

пощады», но сам надел белую парадную форму, он был уверен, что в белом его не убьют. Солдаты надели чистые рубахи. Священник заранее был в траурном. Кубанские казаки в черном, как иначе отличаться от текинского джигита, чтобы невзначай не рубануть своего. Проезжая на коне вдоль шеренг, командующий предупредил, что отступления не будет, хотя всем было известно, что в тылу давно обустроены места на этот случай.

Солдаты саперных и пехотных частей, выбиваясь из сил, провели протяженную минную галерею под крепостную стену. Аксакалы в крепости тогда заметили, что у одной из стен вянет трава, но, наивные, решили, что русские делают лазы. Однако некоторые стали копать навстречу и обнаружили несколько мешочков с порохом, а всего было заложено больше 70 пудов пороха. И все же сердары решили выставить в том месте несколько сотен самых храбрых батыров, готовых для рукопашной. Через три часа после начала битвы минеры соединили проволоки. Земля дрогнула. Глухой подземный гул. Черная густая масса камней, земли и пыли высоко поднялась над стеной и с грохотом рухнула на землю. (Меньше чем через век и в сердце Ашхабада произойдет подобный взрыв. Но об этом дальше...) Пыль еще не улеглась, когда колонна Куропаткина поднялась в атаку. Первыми пали те сотни храбрцев. Рукопашной в начале боя, как планировалось текинцами, не получилось. На обвале русские установили три горных орудия и картечицу, которыми открыли огонь внутри крепости по холму, покрытому людьми. Но текинцы быстро оправались и встретили штурмующих залпами. Среди них началось замешательство. Но лишь на минуту. Скобелев, зорко следивший за происходящим, тут же выслал две роты ширванцев из своего резерва. Это и решило исход битвы. Текинцы защищались упорно, даже их женщины. В мемуарах описан случай, как во время обхода крепости с восточной стороны вместо текинца солдаты схватили молодую девушку, стрелявшую из трех лежавших перед ней пистолетов. Храбро дрались текинцы сами за себя и против всех. «Через час после полудни» холм Денгильтепе был занят русскими войсками, крепость пала. Взвился императорский штандарт. Русские воины кричали «ура!». Победителям предстала никому уже не нужная разрушенная крепость, залитая кровью.

Сколько лет, сколько средств, сколько жизней заложено в этот штурм!

А это из «Энциклопедического словаря «Историко-культурное наследие Туркменистана»: «Как только текинцы стали отступать двумя большими отрядами в сторону песков, генерал лично принял участие в погоне. Во главе отряда казаков и драгун он преследовал их на протяжении 15 км до наступления темноты. Пехота двигалась позади и прошла 10 км, уничтожая отставших джигитов. В это время в самой крепости, по свидетельству одного из участников штурма, «производилась очистка: масса текинцев, скрывшихся в кибитках, была разыскана и истреблена до последнего».

Все тот же иностранец-журналист видел происходящее около Денгильдепе своими глазами, правда, с отдаленного холма, так как, будучи в статусе английского обозревателя, не рисковал ближе подойти к передовым российским частям, он писал: «Штурм русских приходился по направлению южной стены укреплений, и, после явно отчаянного сопротивления, стало очевидно, что они добились там успеха. Толпа всадников беспорядочно высыпалась с противоположной стороны города и быстро разлилась по долине. Сразу же после этого проследовала масса разношерстных беженцев: жители покидали город». Крепость, переполненную защитниками, иностранец почему-то назвал городом. Хотя чем не город, ведь, по подсчету генерала Скобелева, в крепости разместилось 15 тысяч кибиток.

В продолжение свидетельства от очевидца К. К. Абаза: «Прижатые к северной стороне, расстреливаемые с холма, видя надвигавшиеся на них все новые части, текинцы наконец не выдержали и обратились в бегство через широкие северные ворота... Тогда сам Скобелев, во главе двух эскадронов драгун из Полтавской губернии, провели их через крепость и пустился в погоню; рубили и гнали верст 15».

В день святой Татьяны отряды казаков и драгун преследовали тех, кто искал спасения в степи. Победители мстили за первое поражение и потери товарищей в ходе осады. До самой ночи слышны были из крепости одиночные выстрелы, которыми добивали жителей. Очевидцы сообщали, в иных кибитках валялось до 15 тел «неприятеля». Вся территория крепости была залита кровью и завалена трупами мужчин, женщин, детей, среди них мальчики – не спасли девичьи платья, в которые их переодели перед схваткой. Скобелев разрешил своим солдатам три дня брать в кибитках все, что им понравится, за исключением продовольствия и фуража. Самой большой популярностью у солдат пользовались ковры превосходной ручной работы.

В такие ковры заворачивали тела убитых офицеров и хоронили в траншее около Великокняжеской калы под звуки штурмовых маршей, похоронные не играли – щадили раненых в лазарете.

А на следующий день, 13 марта, ярко светило солнце, было до 14 градусов тепла, настроение было хорошее, по воспоминаниям участника битвы В. Шаховского. Скобелев назначил парад внутри крепости, уральцы даже успели принарядиться щеголями, чем заслужили похвалу генерала. Отслужили молебен за победу и панихиду. Души погибших отпели, чтобы полетели быстрее к небесному Вседержителю. Все! Остались только воспоминания да слезы в далекой деревушке, где их напрасно ждали солдатки. Может быть, даже в деревушке моей бабушки? Это была не единственная резня в истории, не первая и не последняя. Страшно...

Захватом крепости Геок-Тепе завершилось полное присоединение этих земель к Российской империи, которая, как подсчитали новые владельцы туркменских степей, песков и гор, увеличилась на «28 тысяч квадратных верст». Победа над текинцами поправила положение русских в Средней Азии, укрепила международный авторитет России и самого царя, укрепила русский рубль. Закончились также затраты на дорогостоящие приготовления для борьбы с Англией.

Ахалцев называли чеченцами пустыни, но текинские ханы все же не последовали примеру имама Шамиля и не сдались в почетный плен. У них свое понятие доблести. Текинцы бились насмерть, проиграли последнюю битву, но проиграли с почетом. Даже завоеватели относились к подвигу геоктепинцев с огромным уважением. Соппротивление в честном бою, после которого никогда не зазорно и так естественно было джигитам покориться. Кто после этого мог сказать, что текинцы трусы? А это важное для туркмена. Уцелевшие после штурма старшины и Дыкма-сердар, который в бою потерял своего сына, а сам был ранен пулей навылет в грудь, присягнули на подданство России. После этого была организована поездка «депутации» текинцев в Петербург, как сообщала петербургская газета «Вечернее время» от 15 мая 1881 года, «для представления императору Александру III и для ознакомления с русской столицей». В той статье было также написано: «Ничего зверского в выражениях этих лиц мы не нашли»...

Не ошибся русский император в своем ставленнике. Камердинер спорол с погон Скобелева звездочки, лишние для звания полного генерала. Освободитель славян и покоритель азиатцев, покончив с Геок-Тепе, направил свои мысли в сторону Мерва и Герата, но кто-то добился, чтобы его отряд расформировали, и потому амбициозный генерал, объявив экспедицию завершённой, сдал командование и в апреле отбыл через Красноводск в Россию. Более ничего знаменательного не было в жизни военачальника, которого в России многие сравнивали с Суворовым, Кутузовым. Генерал думал и о войне с Германией, но не успел проявить себя, так как пережил убитых при Геок-Тепе лишь на полтора года. Скончался в весьма неприглядном виде в московской гостинице в возрасте 39 лет. Император одному из строящихся на Каспийском море судов дал имя «Генерал Скобелев». За 10 дней до смерти Скобелева умер от тяжелых ран другой участник того трагического события, отважный воин

Дыкма-сердар, в ашхабадском госпитале Крымского полка, расположенного на улице, которая впоследствии так и стала называться Крымской...

Российские войска после взятия Геок-Тепе быстро заняли туркменское поселение Асхабад – 1100 кибиток. Из песков возвращали беженцев. Прибывший пятитысячный отряд тут же приступил к строительству нового города, точнее, военного поселения на окраине Российской империи, а еще точнее, буферную зону для охраны центра страны от южных соседей. Каждое подобное продвижение русских войск по Азии волновало британских политиков – им казалось, Россия так и не остановится, пока не дойдет до Индии. Положение обострилось, когда русские нацелились на Мерв – последний независимый туркменский город и богатый оазис на полпути между Геок-Тепе и Гератом. Эдмонд О’Донован прибыл туда раньше с намерением информировать британскую общественность о дальнейших взаимоотношениях русских и текинцев. Он хорошо знал обстановку: «Момент для текинцев был критический. Они понимали, что пора решать, с кем дальше делить свою судьбу – с Англией или с Россией, чьи войска, наверное, встретятся в скором времени друг с другом где-то неподалеку от Мерва. Неприязнь к России тлела давно и разгорелась до наивысшей точки после геоктепинского дела. Хотя Токме Сердар показал своим поведением, что русские куда ближе Мерву, чем англичане, текинцы предпочитали полагаться на британские силы».

Видимо, поэтому тактика покорения ахальцев активно менялась. В конце 1883 года в Мерве появился купец, он же офицер-дагестанец, он же российский подданный Алиханов-Аварский и тут же энергично принялся склонять одно влиятельное лицо за другим на сторону своего императора. Когда же через год подготовительная работа была проделана, а к городу невзначай приблизился русский отряд, он просто вышел на центральную площадь и предложил жителям добровольно признать верховную власть русского царя. Тамошние текинцы-мервли, то есть мервские, на маслахате опять спорили, но все же решили не идти путем Ахала. Принесли прошение царю о принятии в русское подданство и, по получении на то «высочайшего согласия», торжественно присягнули на Коране, обещали оставить грабежи и разбои. Генерал А. В. Комаров поздравил новых подданных державы и от имени государя объявил прощение за старые провинности. Было организовано Пендинское приставство. Мерв со всей его историей и архитектурой за годы российской оккупации превратился в заурядный маленький скучный гарнизонный городок с магазинами, торгующими дешевыми российскими товарами, а для развлечений, кроме танцев, только верховые прогулки к руинам древнего Мерва. Тому самому, который был когда-то подобен Вавилону и Афинам по красоте и могуществу, но блистал в истории человечества гораздо дольше. Вот так!

Тогда, в осажденной крепости Геок-Тепе, ходили слухи, что командующий русскими войсками отправит текинцев в Сибирь, а они, наоборот, получили полное прощение от царя и стали полковниками, майорами. Как известно, после разгрома крепости Геок-Тепе Скобелев предложил всем туркменским джигитам перейти на службу России. Конечно, русские знали древний военный устав джигитов, их незыблемые традиции: как только позовет сердар, всадник должен явиться на собственном коне, с собственным оружием и служить в конном войске. Честные, от слова «честь», текинцы выполняли свои воинские племенные обязанности и этим положили основание туркменским дивизионам. Русские офицеры, которые встречались с туркменскими джигитами, оценивали их высоко. Поручик Л. Г. Корнилов великолепно знал туркменский язык и не раз ходил с местными в разведку на территорию Афганистана, участвовал в разработке оперативных мер на случай войны с Великобританией. С его именем связана слава и трагедия Текинского конного полка, который с самого начала участвовал в Первой мировой войне. Потом верховный главнокомандующий Корнилов забрал с фронта текинцев для охраны ставки в Могилеве. Текинцы стояли на площади перед Зимним дворцом, где совещалось Временное правительство России. В. И. Чапаев тоже

отобрал несколько десятков текинцев в свою дивизию. Отношения туркмен с русскими войсками еще раз доказали, что в смуглых телах дерзких всадников бились большие и добрые сердца, хотя, конечно, странно говорить так о тех, которые могли своей кривой саблей срубить с лету голову врага, а потом в устрашение и назидание насадить ее на палку. Кровожадными разбойниками текинцы становились только тогда, когда они объявляли врагу газават. И к этому добавлю, что у местных джигитов, если любовь – то навеки, если преданность – то не жалея своей жизни. Туркмен, дав слово, никогда не нарушит его, хотя бы это стоило ему жизни или свободы. Бывшие враги России в мундирах царской армии, делающие карьеру на царской службе, – вот она, завершенность завоеваний России. Свободолюбивые туркмены были окончательно приручены. А в советское время чувства открытых и несколько наивных детей степей и песков воспринимали раболепством и жестоко пользовались этим, унижали... Скажу только одно: добиться от государства разрешения иметь в собственном владении ахалтекинца туркменские «кентавры» смогли только в годы перестройки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.